

Двойной
Артефакт
ДЕТЕКТИВ

Екатерина
ЛЕСИНА

ХРИЗАНТЕМА
ИМПЕРАТРИЦЫ

СЕРП
ЯЗЫЧЕСКОЙ
БОГИНИ

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л 50

Дизайн серии *Д. Сазонова*

Оформление обложки *Ю. Щербакова*

Лесина Е.

Л 50 Хризантема императрицы ; Серп языческой богини : романы / Екатерина Лесина. — М. : Эксмо, 2013. — 576 с. — (Двойной артефакт-детектив).

ISBN 978-5-699-64809-2

«Хризантема императрицы»

Когда-то драгоценная брошь в виде хризантемы была подарена великой императрицей Поднебесной Цыси русскому врачу и с тех пор переходила по наследству от матери к дочери... Жена Вацлава Скужацкого погибла, и заведенный порядок нарушился — хризантема попала к его новой супруге. Передавать ее падчерице она не собиралась, и Даша сама решила завладеть семейным сокровищем. Так произошло первое преступление...

«Серп языческой богини»

В древнем погребении археологи обнаружили несметные сокровища, в том числе и очень острый серп с красивейшим орнаментом на рукоятке. Но вывезти артефакты не удалось. Через много лет на Черном озере появились современные кладоискатели. Для ненавидящих друг друга сестер Вики и Таси ничего не стоит потревожить останки мертвых... Но они даже не предполагали, что смогут разбудить дух безжалостной языческой богини Калмы. Она никому не собирается отдавать свой излюбленный серп, и множество голов полетит на алтарь смерти, обильной будет жатва...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Лесина Е., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64809-2

ХРИЗАНТЕМА ИМПЕРАТРИЦЫ

Кружатся розовым туманом лепестки сливы, а ветер робко руки гладит, дышит в лицо цветочным ароматом. Весна пришла в Маньчжурию.

Это была очень далекая весна, случившаяся много лет назад, когда все казалось иным, невозможным, но желанным, когда весь мир был против маленькой Орхидеи. Насмешлив, презрителен, полон церемоний и церемониалов, правил и установок, он отводил Ланьэр совсем иную роль.

Где он теперь? У ног ее, все еще послушный, ждет приказа, любого, лишь бы исполнить, лишь бы нарушить затянувшееся молчание, лишь бы убедиться, что она еще жива.

Жива.

Недолго уже. Закрывать глаза, позволить вспомнить всех, по очереди... ушедший отец... слабоумный брат, сестрица и мать, подарившая жизнь и имя.

Орхидея... она всегда ненавидела эти цветы, слишком изысканные, слишком прекрасные, чтобы не напоминать о том, что сама Ланьэр имени не соответствует.

Давно это было. Кто осмелится назвать Орхидею по имени? Кто решится вспомнить, кем она была когда-то? Милостивая, Благодетельная, Главная, Охраняемая, Здоровая, Глубокая, Ясная, Спокойная... титулов много, не запомнить всех, да есть ли в том нужда, кроме той, что позволяет остаться еще на миг...

Величавая, Верная, Долголетняя, Чтимая, Высочайшая, Мудрая, Возвышенная, Лучезарная, последняя великая правительница из династии Цин, Императрица Цыси, маньчжурская Орхидея престола Поднебесной. Ядовитый цветок Сяньфэна.

Сам виноват, не она избрала этот путь, она лишь не увидела иного.

А лепестки кружатся, кружатся, заволакивают глаза розовым туманом, и знает Цыси — нет их на самом-то деле. Откуда сливовому цветку взяться в ноябре? Но знание не спасает, и в мимолетных фигурах, сложенных ветром, вновь приходят лица.

Сяньфэн, Сын Неба, Дракон, супруг ее бестолковый, он и сам не понял, как много дал, как много позволил... Сяньфэн любил свою Орхидею.

И последним указом приговорил ее к смерти.

Дурнушка-Цыань, завистница-Цыань. Цыань, чтившая законы... Цыань, посягнувшая на власть и провозглашенная Великой Императрицей Восточного дворца. Цыань ненавидела Орхидею, но была слишком наивна и слишком слаба, слишком доверчива, слишком... беспомощна.

Цыань не исполнила указа супруга.

Не стало Великой Императрицы Восточного дворца. И не нужен оказался титул Императрицы Западного. Зачем, когда императрица отныне одна?

А вот Тунчжи, ее чужой ребенок, к которому Цыси так и не смогла привыкнуть. Дитя, рожденное для власти и ради власти, дитя, даровавшее годы спокойствия. Дитя, не способное остаться ребенком. Зачем он вырос? Зачем потребовал большего? Не с ее ли молчаливого согласия ему были открыты все двери к наслаждениям, как дозволенным, так и запретным? Он рос покорным, он рос послушным... но все же рос. И вырос.

Свадьба. Алутэ. Будущий наследник. Грядущая опасность и решение, которое далось нелегко. Но... что ждало Цыси в будущем? Тишина и забвение в отдаленном уголке Ихэюань? Возвращение в молодость, в то ненавистное время, когда Ланьэр зависела от чужой милости? Нет, не могла она этого позволить.

Ушел Тунчжи... ушла Алутэ... и нерожденный владыка Поднебесной с нею.

И ветер, укором скользнув по губам, приостановил пляску несуществующих лепестков. Зачем он мучит ее? Почему не даст уйти? Снова лица? Уже из сумрака и тени сплетенные...

Любимый Ли Ляньин, единственный, кто был по-на-

стоящему близок, кто понимал, кто видел в императрице женщину, а в женщине — императрицу. Но предал, предал... променял... его смерть приписывают руке Тунчжи. Пусть так, ведь неважно кто, важно, что предательство не осталось безнаказанным.

А вот Гуансюй, еще один непослушный мальчик... родной, много ближе, много роднее, чем полагают некоторые. Его Цыси любила, ему позволяла многое, даже мятеж простила — она милосердна. А он затаил злобу из-за той девчонки. Неужели не понимал, что любой проступок должен быть наказан?

Гуансюй обрадовался бы, узнав о ее смерти, но не бывать тому, он первым преступил порог небытия, проклиная и повинуясь. Что ж, пусть будет так, ведь то, что свершилось, уже неизменно. Будущее же... будущее ускользает. Будущее для живых, а для тех, кто стоит на пороге, — безвременье.

Но древний обычай велит поделиться мудростью, и Цыси, собравшись с силами — расстаться с этим дряхлым телом будет даже в радость, — прошептала:

— Никогда не допускайте женщину к власти. Никогда не позволяйте евнухам вмешиваться в управление государственным делами.

Да, так, пожалуйста, будет хорошо.

Превозмогая боль и слабость — никто не увидит слез Великой, — она вытянулась в кровати, повернувшись лицом в южную сторону, туда, где несуществующий ветер сплетал косы из призрачных лепестков.

И 15 ноября года 1908 Великая Императрица Цыси, в течение сорока трех лет правившая Поднебесной, отправилась в «мир теней» на семьдесят четвертом году жизни.

14 ноября того же года скоростипжно скончался ее племянник Гуансюй, который должен был занять трон, а наследником, согласно последней воле Цыси, был объявлен двухлетний Пу И, ставший последним маньчжурским императором.

Впрочем, для нашей истории это не имеет ровным счетом никакого значения.

ЛЕНОЧКА

Позже Леночка никак не могла вспомнить, когда же она встретилась с Феликсом. Почему-то этот факт, мелкий, совершенно незначительный, но вот ускользнувший из памяти, казался ей очень и очень важным, и оттого Леночка снова и снова принималась перебирать события того дня.

Понедельник? Нет, определенно нет, в понедельник она опоздала на работу и получила выговор от Степан Степаныча, раздраженного не столько опозданием, сколько похмельем. Понедельник был злым днем, запомнившимся обидой и пролитым на юбку клеем, от чего обида разрослась до размеров вселенной.

Тогда, наверное, вторник? Возможно... во вторник Степан Степаныч был тих и благостен, за голову не держался и только через каждые полчаса чаю просил, непременно зеленого и чтобы с лимоном. Тонкие кружочки на блюдечке, слой истаивающего сахара и конфетка из «секретных» запасов. Степан Степаныч сидел на диете и... нет, совершенно неважно это, главное, что во вторник ее отпустили раньше и Леночка прибежала домой за светом, значит, тоже не могла познакомиться с Феликсом.

Значит, среда? Директорский слет, суэта, совещание, затянувшееся до неприличия, и чай уже черный, в бумажных пакетиках с хвостиками-этикетками, с «представительской» тяжелой сахарницей, с бутербродами, печеньем, конфетами, фантиками, крошкой, грязной посудой, постоянными просьбами скопировать-распечатать-принести-унести-найти... нет, в среду Леночка вымоталась до такой степени, что и слона не заметила бы, не то что Феликса. Феликс — маленький. И на-

стырный. И еще та сволочь, если можно так сказать о том, кого не существует.

11

Четверг и пятница. В четверг был день рождения Нонны Леонардовны, с шампанским и тортиком от нее, розами да коробкой конфет от коллектива и белым конвертиком от Степан Степаныча. И Леночку потом все дергали, выпрашивали, сколько же там, в конвертике, лежит, а она хихикала и отговаривалась незнанием. Ей не верили, и вечер закончился совсем-совсем грустно. А Феликс?

Пожалуй... пожалуй, четверг подходящий день. Ну да, она торопилась домой, не потому что опаздывала или кто-то ее ждал, а потому, что ей было приятно торопиться в свою собственную квартиру. Было в этом что-то особенное, непередаваемое, и хотелось встретить кого-нибудь, неважно кого, лишь бы спросили:

— Леночка, ты куда бежишь?

А она, сдерживая улыбку, сделала бы серьезное-пре-серьезное, «представительское» лицо и ответила:

— Домой. — Сердце бы радостно екнуло «да-да-да, домой, к себе домой», а Леночка сказала бы: — Я же только неделю как переехала. Да, повезло, конечно: дом пусть и старый, но такая планировка... такие площади... Ремонт, конечно, нужен, но...

— Тетенька, если будете ворон считать, свернете себе шею. — Вихрастый белобрысый мальчишка нагло забрался в мысли. — Мне нянька так врет. Она — идиотка.

— Нельзя так говорить. — Леночка тогда удивилась, потому что, во-первых, маленьким мальчишкам в такое время полагалось сидеть дома, и вообще не сидеть, а лежать в кроватках. Во-вторых, им точно не полагалось грубить взрослым, ну а в-третьих, сам вид его — короткие шорты на широких лямках, белая майка с Винни Пухом, очки с толстыми стеклами и белой резинкой, завязанной на дужках узлами, — был нелеп и никак не увязывался с увесистой книгой, которую мальчишка держал в руках.

— А что можно? — буркнул он, захлопывая книгу. — Ковыряться в песке? Сюсюкать?

— Н-не знаю.

— И я. — Он вздохнул и, поправив съехавшую лямку,

12 поинтересовался: — А ты новая тут? Из третьей
квартиры, да? Будем знакомы, я — Феликс.

И руку протянул, а Леночка, пребывавшая в ступоре,
пожала горячую и липкую ладошку.

— Леночка.

Вот именно так, не церемонной Еленой Сергеевной,
не по-европейски свободной от отчества, но не менее со-
лидной Еленой, а бестолковой и домашней Леночкой.

— Ну что, пошли чай пить, — предложил Феликс. —
Только к тебе, а то меня нянька спать загонит.

— А...

— Бэээ. Дура она. И ты, кажется, тоже.

Наверное, следовало его отчитать, строго и по-взрос-
лому, а лучше отвести к няньке и пожаловаться, что
мальчик дурно воспитан, а еще лучше — пожаловаться
родителям и потребовать сурового наказания, но... Но
Леночка вдруг обиделась — она вообще очень легко оби-
жалась — и ответила:

— Сам дурак.

— Я не дурак. — Феликс спрыгнул с лавки и кое-как
пристроил книгу под мышкой. — Я — гений.

Ну да, четверг, совершенно точно, это случилось в
четверг! Потому что на следующий день Леночка ездила
покупать обои, но и до поездки случилось несколько со-
бытий, неприятных или же просто странных.

БРАТ

Она казалась совсем глупенькой, эта девочка из треть-
ей квартиры. Круглое личико, пухлые губки, наивно рас-
пахнутые глаза, голубые — он точно не знал, но полагал,
что голубые, потому как блондинистым дурочкам иных
не полагается. А эта, из третьей квартиры, была блон-
динкой, кудрявенькой, как французская болонка, такой
же суетливой, тяготеющей к кружевным блузкам и стро-
гим серым юбкам. Секретарша? Менеджер? Консуль-
тант? Учительница младших классов?

Ему понравился первый вариант — секретарша. И с
начальником спит, потому что влюблена и надеется уве-
сти того из семьи, а начальник ее просто и незамыслова-

то трахает, и понять его можно: как тут устоишь перед такой блондинисто-голубоглазой, розово-воздушной, кружевной, беспомощной, но с бюстом третьего — а то и четвертого размера.

Нет, соседка из третьей квартиры была хороша. Очень хороша.

С ней следовало познакомиться поближе, и тогда, кто знает... Он будет узнавать ее потихоньку, голос, жесты, запахи... особенно запахи. От женщины всегда пахнет тем мужчиной, с которым она спит. Он даже придумал, что за соседкой из третьего этажа тянется шлейф из кофе, коньяка, сигар и туалетной воды «Dark Core» — агрессивной и потому пошлой.

Он изменит ее аромат. И саму ее тоже.

Жизнь снова стала интересной.

ФРЕЙЛИНА

Ромашка, определенно ромашка. *Matricaria inodora* или нет, *Matricaria matricarioides*. Вульгарная, обыкновенная, ничем не примечательная обитательница пустырей, обочин дорог и офисов. Сладенькие духи, сладенькая розовая помада и сладенький искусственный румянец на щечках, из шкуры вон, лишь бы привлечь внимание. И ведь привлекает, ах эта обманчивая свежесть полевых цветов... Одна радость, что приедается быстро.

— Леля, ну что ты к окну прилипла, это просто неприлично!

Неприлично при ее статусе жить с этим убожеством, если б знал, как она его... нет, не ненавидит, это для него чересчур, брезгует скорее. Шурочка — *Stellaria media*, в просторечье — мокрица, сорнячок-с, с виду слабенький и беспомощный, а попробуй выведи.

— Леля, Лелечка, у тебя опять голова болит? — почувял, что она не в настроении, заюлил, заелозил. — Ну хочешь я Лелечке массажик сделаю? Или кофею?

Не хочет, ни массажу, ни кофею — ну как можно в его возрасте присюсюкивать? — хочет, чтоб он убрался,

14 вместе с лысинкой своей, одутловатою мордахой да постоянными попытками услужить.

И почему она за него замуж вышла?

Из-за нее, из-за старухи — вот уж и вправду редкий цветок, — и собственного страха.

— Леля, — Шурочка попытался обнять, прижался щекой к спине, задышал сипло, по-собачьи. — Леля, а как тебе эта девочка, из третьей квартиры? По-моему, она миленькая... давай ее на ужин пригласим?

— Зачем?

— Ну просто так. По-соседски. А я грудинку приготовлю, с красным вином и базиликом, а еще...

Еще Леле совершенно неинтересны его кулинарные изыски. Господи, ну как можно быть настолько ограниченным существом, чтобы ничем, кроме кухни, не интересоваться? Она ему о Рембрандте, а он — о севрюжких спинках.

— И тебе будет с кем поговорить... — продолжал нить Шурик.

Леле? Говорить с ней? О чем? Она — ромашечка, простая и неинтересная, чуть подтолкни в нужном направлении — и сама все выболтает. А если... ну конечно, как ей раньше в голову не пришло. Пожалуй, это будет забавно.

— Ты умница, — поцеловать Шурика в лысинку, стереть со щеки жирное пятно — вот неряха — и озвучить то, что пришло в голову. — Давай устроим вечер, для всех. И девочку эту позовем, и Милослава, и Вельских, и...

— И Императрицу тоже?

Глупый вопрос! Конечно, ведь ради нее все и затевается! Ради нее и ради посмотреть, сколько ей еще осталось.

ГЕНИЙ

Суета, суета, суета... вокруг одна сплошная суета, люди ну совершенно не умеют ценить время. Люди вообще не способны что-либо оценить. Или кого-либо. Стадо, запертое в шорах стереотипов.

Да, именно так, именно стадо, именно в шорах, имен-

но стереотипов. И нечего говорить, что его образы алогичны, метафоры метафоричны, а гиперболы — гиперболичны. А каким им еще быть? Просто его творение рассчитано на тонкого и взыскательного читателя, а вокруг — одно быдло.

Торопится, суетится, почти сбивает с ног.

— Ой, простите, — торопливо извинилось быдло, прижимая ладошки к щечкам. Самочка. На вид лет двадцать пять — двадцать шесть, наверняка читает детективы или, чтоб умной показаться, Дэна Брауна и Мураками. Или этого, как там его, Коэльо.

Имя всплыло в памяти колючим колесом.

Именно колючим и именно колесом. Метафора. Для избранных. Не для таких, как эта, с серыми глазами навыкате, губками сердечком и родинкой под глазом. И очки нацепила, конечно, пытается придать физии хоть призрак интеллекта.

— П-простите. — Она попятилась, прижимаясь к стене, сделала попытку шмыгнуть мимо него, а он нарочно стал так, чтобы шмыгнуть не получилось, зато получилось протиснуться — коснувшись бедрышком его бедра, а прикрытой колючим кружевом блузки грудью — руки.

— И-извините, — побагровев пробормотала самочка и, повернувшись, торопливо поскакала вниз по лестнице. Испугалась? Ничего, страх — это естественно. И возбуждающе. И доказывает, что большинство людей суть животные.

Да, об этом будет его следующая книга, та самая, которую после, спустя сто, а может, и двести лет, назовут гениальной. Ведь именно он первым обратился к этой теме, первым остро и без прикрас, без стеснения описал путь обратной эволюции — от человека к животному.

Настроение поднялось, и он еще немного постоял на площадке, подыскивая слова, достойные первых строк будущего гениального творения, и только потом нажал кнопку звонка. И почти не ощутил раздражения при виде жены.

— Привет, дорогая. — Он даже поцеловал ее в напудренную щеку, просто так, из хорошего настроения. — Мне никто не звонил?